

НЕВЕЩ ЗЕМЛИ БЕЛОРУССКОЙ

9 декабря—90 лет со дня рождения Максима БОГДАНОВИЧА

ДРУЖБА КУЛЬТУР-ДРУЖБА НАРОДОВ

БОГДАНОВИЧ-ПОЭТ — ОДНО ИЗ РЕДЧАИШИХ, ЧРЕЗВЫЧАЙНО СВОЕОБРАЗНЫХ ЯВЛЕНИЙ В БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ВМЕСТЕ С ТЕМ ОН ПРИНАДЛЕЖИТ К ТЕМ ЛЮДЯМ, КОТОРЫЕ ОЛИЦЕТВОРЯЮТ В СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРУЖБУ ТРЕХ КУЛЬТУР — БЕЛОРУССКОЙ, УКРАИНСКОЙ, РУССКОЙ.

М. РЫЛЬСКИЙ.

НЕМЕРКНУЩЕЕ СЛОВО

Максим Богданович — одна из вершин белорусской поэзии начала XX столетия, современник и соратник Янки Купалы и Якуба Коласа. Только десять лет работал он в литературе, но и за это короткое время сделал столько, сколько иной не сделает и за всю жизнь. Он оставил нам глубокую, оригинальную лирику, поэмы и баллады, написанные по народным мотивам, обогатил белорусскую литературу художественными переводами русской и мировой классики, ввел новые формы и жанры, был первым нашим профессиональным критиком, вдумчивым исследователем литературы, писал публицистические статьи и рассказы, работал над созданием букваря и хрестоматии для белорусской школы.

Трагично сложилась его жизненная и творческая судьба. Родился Максим Богданович 9 декабря 1891 года в Минске в семье педагогов. Отец его, Адам Егорович, человек широко образованный и энергичный, со всей страстью отдавался педагогической и общественной деятельности, был этнографом и фольклористом. Мать, Мария Афанасьевна, с любовью воспитывала детей, пробовала свои силы в художественной прозе. Ранне детство поэта прошло в белорусском городе Гродно, куда отца перевели по службе. Родители отдавали много внимания детям, их духовному развитию, прививали любовь природе. Талантливый, впечатлительный, воспринимчивый ко всему окружающему, Максим мог в этих условиях развивать свои лучшие задатки. Но вскоре семья постигло первое горе, от которого зависело потом многое.

На 28-м году жизни умирает от туберкулеза мать. Отец с сокрушенными детьми переехал в Нижний Новгород. Около 12 лет (с 1896 по 1908) он жил и работал рядом с Максимом Горьким, часто встречался с ним. Они были друзьями.

В 1902 году М. Богданович поступил в первый класс Нижегородской мужской гимназии. В это же время начинает писать стихи на белорусском языке. Вслед за своим старшим братом Вадимом интересуется политикой, принимает участие в работе гимназических кружков, в революционном движении молодежи. Вскоре семья переезжает в Ярославль. Учеба в Ярославской гимназии, затем юридическом лицее — время интенсивной работы в поэзии и журналистике молодого Богдановича: вдали от Белоруссии он думает и пишет по-белорусски, изучает язык по книгам, фольклорным записям и словам, встречается позже с белорусскими беженцами времен империалистической войны, читает белорусскую газету «Наша нива», которая издавалась в Вильне. М. Богданович хорошо понимал время, в которое жил. Оно предвещало национальное и социальное освобождение всех народов России.

В 1907 году в «Нашей ниве» было напечатано его первое произведение — лирический рассказ «Музыка», в котором автор высказывал свой взгляд на искусство, предназначенненное быть людьми от сна, служить им.

В 1911 году поэт приезжает в Белоруссию,

Если на географической карте Ялты нет белых пятен, то ее краеведческий вариант тащит неограниченные возможности для исследования.

Белорусский поэт М. А. Богданович побывал в Ялте в 1909 году в пансионе «Шалаш» и в 1917-м — в доме № 8 по ул. Николаевской. На его месте сейчас клуб санатория «Ялта» Краснознаменного Черноморского флота.

О пребывании Максима Богдановича в Ялте в 1909 году вспоминал отец, Адам Егорович: «К весне 1909 года у него начал развиваться в легких туберкулезный процесс... По совету врача я повез его в Ялту и поселил в пансион на море

В ПОИСКАХ ПАНСИОНА «ШАЛАШ»

лочной ферме «Шалаш», мес-то близ А., место на значительной высоте, довольно благоприятное для слабогрудых».

Об этом же пишет в предисловии ко II тому сочинений М. Богдановича (изд. 1928 г.) профессор И. И. Замотин: А. Е. повез сына в Ялту и поселил в пансионе на молочной ферме «Шалаш» близко от дачи Чехова, недалеко от дачи Чехова.

Деревня Аутка в то время находилась за чертой Ялты. Она располагалась амфитеатром по Иссарскому шоссе и отрогам яйлы. Улицы ее узки, извилисты, местами покрыты грудаами камней.

Среди табачных плантаций, виноградников, холмов, соснового леса была хорошая верховая и пешеходная тропа, ведущая на яйлу. лесничество и дельные на Бахчисарай.

К сожалению, нет подробного плана дореволюционной Аутки с указанием домовладений и пансионов. Много часов пришлось просидеть нам над дореволюционными путеводителями по Крыму и Ялте. И вот, наконец, в путеводителе «Ялта. Климатический курорт на Южном берегу Крыма», издан-

ном городской управой в 1910 году, нашли рекламу пансиона «Шалаш». Он принадлежал греку Тарнини и находился по правую сторону Аутского шоссе в 200 саженях от дачи Чехова и санатория «Гастрия».

В путеводителе есть фото. «Шалаш» — двухэтажное каменное здание с балконом и лепным украсением над окнами. Много времени прошло с тех пор, но Аутка (ныне Чехово) мало пострадала от времени и войны. Это давало надежду найти дом, в котором жил поэт.

Вооружившись фотокопией

снимка пансиона «Шалаш», мы отправились на поиски. На улице Крымской, 2, обнаружили интересующий нас дом. Он почти не изменился с тех пор: большой, открытый балкон с крышей, на первом этаже — прямоугольные рамы окон, на втором — стрельчатые, расположенные по два окна рядом. Не сохранились только маленький балкончик справа да название пансиона на фронтоне.

Итак, в этом доме жил юный поэт Богданович вместе с такими же молодыми людьми, как и он сам, путешествую-

я ЯЛТА встретила Максима Богдановича холодным февральским днем 1917 года. Синее до черноты море, свободное от тумана и облаков, несло от розовевшего горизонта небольшие волны, легко и осторожно сбрасывало их на берег. Позже шел вдоль моря по набережной в сторону Приморского парка, усталий с дороги, в поисках пристанища. Шел по улице Николаевской, ища дом под номером восемь, где у хозяйки Марии Цемко сдавалась комната.

Хозяйка дома встретила его приветливо. Ей с первого взгляда понравился этот красивый молодой человек, скромный и, как ей показалось, даже застенчивый. Откуда ей было догадаться, что он мог иногда спорить до хрипоты, отставая свои прогрессивные взгляды, оставаясь на позициях гуманизма во всех случаях жизни. Она и не догадывалась в тот момент, что порог ее дома переступил поэт, человек мечтательный, мягкий, с искромешным, почти женственным сердцем.

Светлая, просторная комната, в которой Максим поселился, находилась на втором этаже небольшого двухэтажного домика в глубине двора. К ней вела совершенно изолированная лестница. Из окна комнаты открывался прекрасный вид на море. Сюда доносились разрыванные волны.

«Паступает ночь, вокруг совсем темно, моря почти не видно... И все же не хочется уходить: так легко дышится здесь, так тихо и ровно плачет умиротворяющее море, так легко обдувает лицо теплый ветерок...»

Прекрасный уголок для работы. Правда, в комнате холодновато. Но ничего, зато никто не будет мешать оставаться наедине с поззией.

К творчеству своему он относился строго. Никогда не был доволен тем, что написано.

Тщательно шлифовал каждую строфи. Считал, что стихи должны отражать глубокие социальные проблемы, исторические судьбы народа, содействие известного поэта. В тот вечер он вспомнил о многом... И о том, что было очень дорого его сердцу, о чём он никому не рассказывал, о девушке, которую встретил несколько лет назад в Ялте. И признался в этом только своей Музе.

Помню раз, позабыв свое горе, — Это чудо принес ваш привет, Я — больной и бескрайний поэт. Может, стих моей жизни уж спет, — Так пускай вам хоть песня повторит, Как больной и бескрайний поэт На минуту забыл свое горе...

Вот уже несколько дней он не мог подняться, сильное головокружение заставляло лежать неподвижно. Душит кашель, не хватает воздуха. Он задыхался. Озабоченный, не мог ничего не требовать. Только вдруг как-то попросил землянки. «Ох, как много ее весной в Белоруссии! Мария Цемко обегала весь город в поисках ягод. Ее квартирант воротил уже несколько дней ничего не брал в рот. Ей скучно было жить этого молодого парня, умирающего на втором этаже ее дома. Каким-то

чудом где-то достала клубники. Принесла. Это была последняя радость в его короткой жизни.

Уже несколько дней до этого он чувствовал себя плохо, но не хотел писать отцу, который специально из-за него переехал в Симферополь. Не хотелось расстраивать старика. И только сегодня, когда ему совсем уже стало худо, решил черкнуть пару слов:

В светлом крае, у синей бухты

робное описание в серии очерков, объединенных одним называнием «Из летних впечатлений», опубликованных в «Русском экскурсанте». И вот сейчас он живо ощущал то, о чём писал тогда:

«Паступает ночь, вокруг совсем темно, моря почти не видно... И все же не хочется уходить: так легко дышится здесь, так тихо и ровно плачет умиротворяющее море, так легко обдувает лицо теплый ветерок...»

Он вернулся в тот год из Крыма бодрым, веселым, слова окунулись в студенческую жизнь, углубился в научную, литературную деятельность, сблизился с Янкой Купалой, Якубом Коласом, Элюзией Пашкевич.

Я. Купала первым разглядел в нем поэта, помог выступить в печати. И этот сборник стихов, с которым он теперь не расставался, вышел при содействии известного поэта. В тот вечер он вспомнил о многом... И о том, что было очень дорого его сердцу, о чём он никому не рассказывал, о девушке, которую встретил несколько лет назад в Ялте. И признался в этом только своей Музе.

Помню раз, позабыв свое горе, — Это чудо принес ваш привет, Я — больной и бескрайний поэт. Может, стих моей жизни уж спет, — Так пускай вам хоть песня повторит, Как больной и бескрайний поэт На минуту забыл свое горе...

«Здравствуй, старый воробей...» — прочитала она. А где же симферопольский адрес отца? Его не было. Телеграмма полетела в Ярославль, а отец был всего в семидесяти верстах. Они так и не успели встретиться. Через четыре дня на ялинском кладбище видели одинокого, убитого горем человека. Он долго сидел у синей землянки. На полу лежал смятый листок бумаги. Хозяйка осторожно расправила его:

«Здравствуй, старый воробей...» — прочитала она.

А где же симферопольский адрес отца? Его не было. Телеграмма полетела в Ярославль, а отец был всего в семидесяти

верстах. Они так и не успели встретиться. Через четыре дня на ялинском кладбище видели одинокого, убитого горем человека. Он долго сидел у синей землянки. На полу лежал смятый листок бумаги. Хозяйка осторожно расправила его:

«Здравствуй, старый воробей...» — прочитала она.

На могиле поэта землянки из Белоруссии посадили цветы, о которых М. Богданович писал когда-то:

Цветы золотые меня обступают, Печально меж ними брошки, одиноки.

Вдруг вижу, мне синей головкой кивает Родимый, забытый в темни виселик.

Здорово, землянки мой! — чуть видный в долине, Понуро, невесел шепчет о мне, —

Вспоминая, товарищ, на щедрой чужбине О бедной, далекой своей стороне.

Т. БАРСКАЯ.

На рисунке — пансион «Шалаш». Теперь здесь, на улице Крымской, 2, находятся РСУ треста «Курортстрой» и РСК «Терсортава».

Рис. В. ВОЛЧЕНКО.